

М.М. Абрашкевич

**Эволюция идеи о
преступлении и наказании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
М11

М11 **М.М. Абрашкевич**
Эволюция идеи о преступлении и наказании / М.М. Абрашкевич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 48 с.

ISBN 978-5-458-77596-0

Публичная лекция, прочитанная 23-го марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского Университета в пользу Одесского Исправительного Приюта для малолетних преступников.

ISBN 978-5-458-77596-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ступнаго дѣянія. Преступникъ-же преступаетъ лежащія въ основаніи закона правила: «не убей», «не укради», «не прелюбо-дѣйствуй». Кто ихъ придумалъ, кто провозгласилъ эти запо-вѣди? отвѣтъ найдемъ въ исторіи культуры.

Совмѣстная жизнь создаетъ разнообразныя интересы; они взаимно переплетаются, сталкиваются; среди нихъ отличаются такіе, въ удовлетвореніи коихъ лежитъ залогъ развитія чело-вѣчества. Право, общая воля, стоящая надъ индивидуальной, беретъ ихъ подъ свою охрану, препятствуетъ ей наносить имъ вредъ или уклоняться отъ содѣйствія, необходимаго для ихъ процвѣтанія. Повелѣвая совершеніе однихъ дѣяній, воздержаніе отъ другихъ, право создаетъ отдѣльныя права и обязанности, ко-торыя вмѣстѣ взятыя образуютъ правовой порядокъ, границу между свободой и произволомъ индивида. Эта граница не пред-ставляется неподвижной. Мѣнялись потребности людей, мѣнялось и отношеніе права къ ихъ интересамъ: однимъ оно отказывало въ дальнѣйшей поддержкѣ, другіе заново принимало подъ свое покровительство; сообразно съ тѣмъ измѣнялись очертанія пра-вового порядка. Но отъ всякихъ произвольныхъ колебаній со стороны частной воли право охраняетъ его силой — прину-жденіемъ. Принужденіе проявляется въ 3 главныхъ формахъ: 1) под-чиненіе требованіямъ права; 2) возстановленіе поколебленнаго порядка; 3) наказаніе непокорныхъ: здѣсь эгоистическія стрем-ленія индивида, идущія въ разрѣзъ съ существующимъ строемъ, право пытается обуздать представленіемъ о невыгодности ихъ послѣдствій. Последняя мѣра выражаетъ усиленную защиту ин-тересовъ, признанныхъ правомъ наиболее важными. Такъ, ка-рается похищеніе чужого имущества, т. е. вещи, имѣющей ры-ночную цѣнность; нѣтъ рыночной цѣнности, нѣтъ наказанія похитителю, какъ-бы ни былъ дорогъ похищенный предметъ самому владѣльцу, напримѣръ, локопъ любимой особы. Мало того, не всякое нарушеніе такихъ интересовъ, а только наибо-лѣе опасные способы нарушенія влекутъ наказаніе виновника. Такъ, наказуемы лишь тѣ случаи мошенничества, когда потер-пѣвшій не могъ убѣдиться отъ обмана обычными мѣрами пре-досторожности.

Итакъ, эти краткія предписанія въ формѣ запрещеній: «не убей», «не укради», «не прелюбодѣйствуй» или повелѣній: «держи въ чистотѣ дворъ», «неси воинскую повинность» и т. д.,

—издаются правомъ; эти правила поведенія во взаимныхъ отношеніяхъ людей называются правовыми нормами. Онѣ древни, какъ исторія народа, въ которомъ сложились и дѣйствуютъ; онѣ обязательны въ силу собственнаго авторитета; угроза наказаніемъ не есть ихъ необходимое предположеніе, а только категорическое въ особо важныхъ случаяхъ подтвержденіе ихъ обязательности. Ослушаніе всякой нормѣ—уже нарушеніе права; ослушаніе нормѣ, вооруженной угрозою наказаніемъ,—преступленіе. Но преступить норму, понятіе отвлеченное, можно лишь въ ея реальномъ бытіи, въ ея жизненной конкретной обстановкѣ посредствомъ какого-либо вѣшняго проявленія противъ блага, ею ограждаемаго. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующему опредѣленію: преступленіе есть посягательство на интересъ, охраняемый правомъ подѣ страхомъ наказанія. Какъ опредѣлить наказаніе? Уже изъ сказаннаго можно вывести слѣдующее: наказаніе есть принужденіе, примѣняемое правомъ въ защиту важнѣйшихъ интересовъ, заключающее въ себѣ порицаніе со стороны представителя правового порядка и страданіе для его нарушителя. Порицаніе наказующаго, страданіе наказуемаго и принужденіе, направляющееся отъ облеченнаго карательною властью къ подчиненному ей,—вотъ 3 основныхъ элемента наказанія; все остальное въ немъ имѣетъ лишь переходящее значеніе, представляетъ не сущность его, а только измѣнчивыя формы.

Преступленіе и его тѣнь — наказаніе появляются съ первыми людьми. Адамъ и Ева, сотворенные для райскаго блаженства, т. е. поставленные въ наилучшія условія жизни, не замедлили преступить заповѣдь Творца и Управителя вселенной, въ наказаніе были изгнаны изъ рая и обречены на смерть со всеѣмъ потомствомъ. Отъ формальнаго нарушенія запрета—скачекъ къ кровавому злодѣянію: первый человѣкъ-звѣрь Каинъ обгаряетъ землю кровью своего брата—Авеля. Въ этихъ сказаніяхъ Библии можно отмѣтить идею вѣчности преступленія и наказанія, основанную на опытѣ всего человѣчества. Какъ-же обрисовываются эти явленія въ исторіи?

Говоря о преступномъ дѣяніи, какъ и о всякомъ другомъ, мы всегда имѣемъ въ виду 2 признака: 1) внутренній — волю его виновника и 2) вѣшній — дѣйствіе, ею произведенное, измѣненіе въ мірѣ физическихъ явленій. Наше время отводитъ

должное вниманіе обоимъ признакамъ. Мы всё знаемъ, что преступленіе можетъ быть совершено только человѣкомъ и притомъ только сознательно и волимо. При своей кажущейся простотѣ, эта истина принадлежитъ къ числу сложныхъ понятій, не укладывающихся цѣликомъ въ умъ первобытнаго дикаря; она—результатъ многовѣкового и многотруднаго развитія.

Внутренній, субъективный міръ со всеми его особенностями и тонкостями недоступенъ нашему непосредственному наблюденію; онъ открывается во внѣшнихъ объективныхъ проявленіяхъ; они лишь даютъ возможность проникнуть въ его тайники и ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Весьма естественно, взоры первобытнаго человѣка прежде всего должны были остановиться на внѣшней оболочкѣ преступленія, на вредѣ, который оно причиняетъ. Представитель первобытной культуры, матеріалистъ по преимуществу, наиболѣе заинтересованъ матеріальными послѣдствіями совершеннаго надъ нимъ посягательства. Онъ изливаетъ свой гнѣвъ на все, что вызвало его неудовольствіе, не отличая своихъ ближнихъ отъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; караетъ цѣлую группу за вину отдѣльныхъ ея членовъ; соизмѣряетъ наказаніе съ матеріальными послѣдствіями преступленія, независимо отъ воли, ихъ произведшей. Эти общеизвѣстные факты послужили основаніемъ теоріи, утверждающей, что первобытный дикарь сосредоточивалъ все вниманіе на внѣшней сторонѣ преступленія и ничуть не задумывался о волѣ своего противника.

Это направленіе господствуетъ въ современной наукѣ; однако, мнѣ кажется, выставляя такое абсолютное положеніе, впадаютъ въ крайность. Дѣйствительно-ли такъ было въ древности? Обратимся къ ней, но прежде всего сдѣлаемъ оговорку: изслѣдуя какой-либо предметъ, нужно ясно установить предѣлы изслѣдованія; углубляясь въ сѣдую старину безъ всякой мѣры, мы въ концѣ концовъ наткнемся на вопросъ: а что было тогда, когда ничего не было? Для научныхъ положеній необходима болѣе твердая почва. Поэтому мы не пойдемъ дальше, чѣмъ хватаетъ свѣтъ исторіи.

Уже на зарѣ исторіи можно распознать проблески понятія субъективной виновности, просвѣчивающіе въ сознаніи человѣчества; только разъяснить и развить ихъ вначалѣ ему не подъя силу. Признаніе значенія за внутренней стороною преступленія

сказывается уже въ свойственномъ древности отождествленіи понятій грѣховнаго и преступнаго. Можно сказать больше: волевой моментъ не только не упускается изъ вида, напротивъ, его ищутъ повсюду, даже тамъ, гдѣ его нѣтъ въ дѣйствительности. Смутно самосознаніе бѣднаго дикаря, за предѣлами же собственного «я» теряется онъ окончательно, силясь растолковать все по аналогіи со своимъ тѣснымъ личнымъ міромъ. Такъ возникъ антропоморфизмъ, такъ создано олицетвореніе древними явленій и силъ природы. Такъ свою волевую способность переносить человѣкъ и на животныхъ и на предметы неодушевленные; расточая на нихъ свои кары, дикарь не человѣка низводитъ на степень безвольныхъ объектовъ, наоборотъ, ихъ возвышаетъ на человѣческій уровень. Какъ ребенокъ, ударившись о стулъ, бьетъ его съ увѣренностію, что стулъ по злобѣ причинилъ ему боль, такъ точно, по тѣмъ-же соображеніямъ, все человѣчество на нисшей ступени развитія творить расправу надъ всѣмъ окружающимъ. Ксерксъ повелѣлъ бичевать море, потопившее его корабли, такъ какъ заподозрѣлъ его въ симпатіяхъ къ грекамъ. Законы Моисея предписывали побивать камнями быка, забодавшего человѣка, и мясо казненнаго животнаго объявляли нечистымъ; какъ разъяснили ученые талмудисты, этой казни должно предшествовать правильное отправленіе суда. Позаимствовавъ съ принятіемъ христіанства и моисеево право, западно-европейскіе народы слѣдовали этимъ образцамъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Документально констатированные суды надъ животными, съ соблюденіемъ общаго процессуальнаго порядка: съ предварительнымъ содержаніемъ обвиняемаго подъ стражей, съ блестящими рѣчами прокуроровъ и адвокатовъ, съ глубокомысленными приговорами судей, въ передовой Франціи дожили до начала XVIII вѣка. Практика была чрезвычайно обильна; выработалось даже различіе подсудности свѣтской и духовной: при невозможности предать виновника въ руки свѣтскаго палача, прибѣгали къ мечу духовному: саранча, истреблявшая посѣвы, мыши, опустошавшія житницы, по жалобамъ потерпѣвшихъ, по приговорамъ духовныхъ трибуналовъ неукоснительно отлучались отъ церкви!... На помощь практикамъ спѣшили ученые съ обширными трактатами, излагавшими подробно порядокъ процессовъ надъ животными; таковъ, напримѣръ, трудъ «доктора обоихъ правъ» Шассанеуса: «De excommunicatione

insectorum» 1588 года. Взмораждая нелѣпость надъ нелѣпостью, приписывали наравнѣ съ людьми и представителямъ безсловеснаго царства способность къ колдовству и чародѣйству. Такъ, въ 1474 году въ г. Базель заподозрили пѣтуха въ томъ, будто-бы онъ снесъ яйцо; нашлись свидѣтели, удостовѣрившіе это событіе; въ немъ усмотрѣли преступную связь пѣтуха съ дьяволомъ; несчастный былъ судимъ; осужденъ и торжественно сожженъ на кострѣ. Къ чести здраваго русскаго смысла, у насъ нѣтъ точныхъ указаній ни на одинъ процессъ, гдѣ-бы въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали животные. Эти процессы на западѣ, относящіяся къ той эпохѣ, когда судьи уже во всѣхъ направленіяхъ копались въ душѣ преступника, совершенно опровергаютъ мысль, будто-бы карательная дѣятельность дикаря обуславливалась отсутствіемъ идеи субъективной виновности; онъ только не умѣлъ правильно примѣнить ее. То-же самое можно сказать и объ отношеніи къ душевно-больнымъ. Человѣчество давно сознало, что въ ихъ душѣ есть что-то ненормальное, но не могло объяснить эту особенность иначе, какъ сверхъестественной силой. Ихъ признали одержимыми нечистымъ духомъ, «бѣсноватыми» и подвергли усиленнымъ гоненьямъ. Ихъ заключали въ оковы, бросали въ подземелья, казнили смертью и не только ради предупрежденія ихъ новыхъ посягательствъ, но и въ воздаяніе за нанесенный уже вредъ. Много воды утекло, много погибло жертвъ людскаго недомыслія, пока человѣчество переросло своихъ умалишенныхъ членовъ, смогло взглянуть на нихъ сверху внизъ, спокойно, внимательно; тогда лишь оно разсмотрѣло, что предъ нимъ не равные бойцы, и не демоны, и не звѣри, а глубоко несчастные люди, достойные не злобы и мести, а сожалѣнія и попеченія.

Далѣе, исторія свидѣтельствуетъ, что древніе наказывали цѣлыя группы за вину кого-либо изъ входящихъ въ ихъ составъ. Пережитокъ такого порядка до сихъ поръ сохранился въ нашемъ уложеніи (ст. 530): при укрывательствѣ еврея-дезертира законъ подвергаетъ взысканію не только уличеннаго укрывателя, но все еврейское общество, въ которомъ проживалъ бѣглый. Чѣмъ объяснить такое явленіе? отсутствіемъ понятія о субъективной виновности? конечно, нѣтъ. Значеніе внутренней стороны здѣсь не отрицается и даже не умаляется. Но здѣсь сказывается увѣренность, что одна преступная воля объединяла

всѣхъ земляковъ дезертира; не взявъ на себя труда провѣрить наличность такой воли въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, рубятъ по всѣмъ съ плеча. Современное уголовное право воспрещаетъ пользоваться предположеніями въ замѣнъ фактовъ, устанавливающихъ виновность, воспрещаетъ въ интересахъ какъ обвиняемаго, такъ и цѣлесообразности охраны правового порядка. При наказуемости общины за вину ея отдѣльныхъ членовъ вся суть лежитъ именно въ несоблюденіи этого принципа, весьма простительномъ для дикаря и не менѣе прискорбномъ для нашего закона.

Наконецъ, указываютъ, что древніе опредѣляли тяжесть преступленія по его матеріальнымъ послѣдствіямъ. Разумѣется, его внѣшняя, объективная сторона представляется мѣриломъ наиболѣе нагляднымъ и простымъ. Но уже изъ отдаленныхъ временъ доходятъ указанія, что отводилось мѣстечко и вліянію внутренней, субъективной стороны. Такъ, нашъ древнѣйшій юридическій памятникъ, «Русская Правда» разсматриваетъ гораздо снисходительнѣе убійство «на пиру», въ «свадѣ», т. е. въ ссорѣ, подъ вліяніемъ опьяненія, раздраженія, чѣмъ убійство «въ разбоѣ», — холодное, съ корыстной цѣлью (ст. 3, 4 по Троицк. списку); кража домашнихъ животныхъ съ поля признается менѣе преступной, чѣмъ изъ клѣти (ст. 38 и 39 по Карамзинск. списку), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ злая воля обнаруживаетъ больше упорства: вору приходится преодолѣть рядъ препятствій: проникнуть въ закрытое помѣщеніе, быть можетъ, взломать запоры и т. д. Безспорно, полное, ясное обсужденіе внутренней, субъективной стороны преступленія требуетъ средствъ, которыхъ нѣтъ въ распоряженіи младенческаго народа, которыя вырабатываются и совершенствуются съ поступательнымъ движеніемъ цивилизаціи. Грубыя приемы не только первобытныхъ людей, но и нашихъ ближайшихъ предшественниковъ; быть можетъ, и современная система окажется не лучше въ глазахъ, послѣдующихъ поколѣній. Такъ, до сихъ поръ законодательство не отвело подходящаго мѣста мотиву преступленія; и теперь наша каторга готова поглотить одинаково Раскольниковъ и Малышева, Отелло и Джека Потрошителя, самоотверженную, великую Шарлотту Корде и знаменитую «фабрикантку ангеловъ» Скублинскую. Но несовершенное приведеніе идеи не даетъ еще права отрицать самый зародышъ ея. А потому можно сказать

съ увѣренностію: не было народа, не было эпохи, которымъ была-бы совершенно чужда идея субъективной виновности.

Недоступность души человѣка для свободнаго, широкаго изслѣдованія, а отсюда недостаточная оцѣнка преступной воли, преобладающее значеніе объективной стороны преступленія порождаютъ и другую особенность древности: взглядъ на преступленіе, какъ на чисто частное отношеніе между его виновникомъ и жертвой, не представляющее никакого общественнаго интереса. Матеріальный вредъ, причиняемый преступленіемъ, прежде всего своею тяжестью обрушивается на самого пострадавшаго; другіе ея не ощущаютъ. Субъективизмъ дикаря, крайняя узкость его кругозора не позволяютъ пуститься въ обобщенія; нѣтъ еще объективной идеи права и неправды, есть лишь субъективное ощущеніе обиды. Лишь путемъ долгаго и горькаго опыта, проанализировавъ составъ преступленій, человѣчество пришло къ сознанію, что преступникъ задѣваетъ не только непосредственно потерпѣвшаго, страшнѣе не ему одному, но и всѣмъ окружающимъ; что опасность его кроется въ томъ строеніи, которое побуждаетъ его нарушать права ближнихъ ради удовлетворенія собственныхъ вождѣлнй. Всего легче подмѣтить общеопасность преступленій противъ собственности: намѣреніе вора направляется на обогащеніе чужимъ имуществомъ вообще, кто хозяинъ,—ему безразлично. Вотъ и общество прежде всего воспріянуло для совмѣстной борьбы съ посягательствами имущественными. Иное дѣло — преступленія личныя: обыкновенно они направляются именно на опредѣленную личность, по особымъ отношеніямъ къ ней; ей и предоставляется самой посчитаться съ противникомъ. Вотъ почему въ древности кража признается болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ убійство. Безучастное отношеніе общества къ личнымъ посягательствамъ длится очень долго. Дальнѣйшій прогрессъ заключался въ уразумѣніи, что подколовшій сегодня Ивана, изувѣчившій Петра, способенъ, пожалуй, завтра продѣлать то-же самое съ Семеномъ или Степаномъ. Общеопасность преступника отмѣчается при всѣхъ преступленіяхъ, всѣ они получаютъ общественное значеніе, подвергаются преслѣдованію во имя и отъ имени общества. Вотъ тогда центръ тяжести при оцѣнкѣ преступленія сталъ перемѣщаться съ внѣшней стороны на внутреннюю. Тогда только началось ея внимательное упор-

ное изученіе. Трудомъ многихъ поколѣній воздвигалось понятіе виѣняемости; выработалось разграниченіе дѣяній умысленныхъ, неосторожныхъ и случайныхъ; установилось различіе отѣнковъ умысла и неосторожности, а въ послѣднее время съ особенной силой выдвигается значеніе мотива преступной дѣятельности. Объективная сторона тоже не была забыта. Право заботится объ установленіи причинной связи между нею и волей преступника, различаетъ отдѣльныя стадіи проявленія этой воли во внѣ: обнаруженіа умысла, приготовленіе, разные виды покушенія, совершеніе. Однако субъективный моментъ теперь несомнѣнно преобладаетъ надъ объективнымъ: такъ, по нашимъ законамъ, совсѣмъ безрезультатное покушеніе на предумышленное убійство (ст. 9 и 1454 улож.) влечетъ ссылку въ каторгу, а наказаніе за неосторожное причиненіе смерти (ст. 1468 улож.) можетъ ограничиться строгимъ выговоромъ въ присутствіи суда. На субъективномъ моментѣ создались и создаются всѣ новѣйшія реформы; къ нему приковано нынѣ почти все вниманіе специалистовъ, господство его обезпечено въ будущемъ... Не заглядывая пока впередъ, я попрошу васъ обратить вновь свои взоры къ прошлому, чтобы прослѣдить историческія судьбы наказанія.

«Прежде чѣмъ въ человѣкѣ блеснула первая искра уразумѣнія, почему и для чего существуетъ наказаніе», замѣчаетъ проф. Кистяковскій («Элементарный учебникъ угол. права», 1882 г., стр. 764): «оно давно уже существовало и дѣйствовало. Слѣдовательно, оно есть плодъ присущихъ человѣку первобытныхъ свойствъ, а не изобрѣтено путемъ философской мысли; оно вызвано къ жизни самыми элементарными, самыми первичными потребностями и цѣлями человеческой природы. Всѣ онѣ сводятся къ одному общему могучему стремленію, вложенному изначала во все живущее: къ инстинкту самосохраненія. Имъ объясняется всякая реакція на вредоносныя дѣйствія. Такъ, онъ вызываетъ закрытіе или миганіе глазъ предъ движеніемъ, грозящимъ ихъ неприкосновенности; вотъ — первичная форма нашей реакціи съ чисто машинальнымъ характеромъ, реакціи наиболѣе пассивной. Тотъ-же инстинктъ можетъ выразиться болѣе активно, въ рефлекторномъ движеніи, направленномъ непосредственно на предметъ, вызвавшій ощущеніе боли или страха; такъ, мы стремительно отталкиваемъ наступившаго на

нашу ногу или только покачнувшись в нашу сторону. Движение может произойти с неумолимой быстротой, не передавшись сознанию. Но поднимемся еще на одну ступеньку и мы встретим уже реакцию, освещенную участием разума, соединенную с представлением о намеченной цели. Воздействие на вредоносный факт в вид сознательной отплаты злом за зло, чтобы устрасить врага и тем предохранить себя от него в будущем представляет нам месть, прообраз наказания.

Первобытный мститель мало задумывался о причинах и дальнейших следствиях понесенного вреда, всего меньше—о соразмерении с ним своей реакции. В период господства частной мести, в I период карательного права, душа мстителя охвачена одним желанием: отплатить противнику, как только можно, истребить его или по крайней мере устрасить. Здесь почти всякая обида влечет смерть виновного; здесь насильственная смерть—такое нормальное явление, что естественная кажется аномалией; именно в ее объяснение, по чрезвычайному смелому и остроумному предположению французского ученого Тарда («Philosophie pénale», 1892 г., стр. 533—4) сложилась легенда о первородном грехе Адама и Евы: по библейскому преданию они были сотворены бессмертными, и смерть явилась лишь наказанием за их грех; и это наказание в полной гармонии со взглядом той эпохи, должно было охватить и самих прародителей и все их потомство; таким образом, представители той эпохи, привыкнув, что жизнь постоянно прерывается рукою мстителя, идею о смерти неразрывно связали с идеей о преступлении и наказании. Жизнь не застывает в своих очертаниях. Описанный порядок уступает место новому под влиянием различных факторов. Не ограничиваясь заботами об одном лишь «сегодня», люди начинают думать и о завтрашнем дне, научаются запасать силы и средства на будущее время, dorостают до понятия собственности. Тогда они постигают, что из побужденного противника можно извлекать различные материальные выгоды; приемник того первобытного дикаря, который без дальнейших размышлений убивал, иногда сьдал обидчика, практикует уже и другие меры: захватывает врага в плен, обращает в рабство, грабит его имущество. Так было в младенчестве человеческого рода, когда импульсы не знали

границъ; но исторія цивилизаціи — исторія ихъ постепеннаго подчиненія господству разсудка. По избытому выраженію Аристотеля, «человѣкъ — животное общественное», а безграничная месть непримирима ни съ какимъ общественнымъ строемъ. Она регулируется мало по малу требованіями обычая, соразмѣряется съ преступленіемъ, становится воздаяніемъ равнымъ за равное по правилу: око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь! Этотъ принципъ при всей своей грубости — огромный шагъ впередъ отъ безграничнаго господства частной мести, стремившейся за одно око вырвать у обидчика оба, за одинъ зубъ выбить побольше зубовъ, за каплю крови пролить ручьи ея. Новое начало изъе́млетъ виновнаго отъ необузданнаго произвола мстителя, ставитъ ему извѣстныя преграды. Отнятіе имущества въ видѣ наказанія также соизмѣряется съ тяжестью преступленія. Этотъ способъ удовлетворенія обиженнаго, по свидѣтельству юридическихъ памятниковъ древности, проникаетъ сначала, какъ суррогатъ частной мести, лишь въ исключительныхъ случаяхъ: при явкѣ обидчика съ повинной, съ просьбой принять отъ него часть имущества въ искупленіе вреда, причиненнаго жертвѣ.

Система выкуповъ дѣлаетъ быстрые успѣхи: только что народившаяся частная собственность цѣнится очень высоко, едва-ли не выше самой личности; умноженіе богатства становится предметомъ усердныхъ заботъ; потребность въ кровавой расплатѣ ослабѣваетъ по мѣрѣ смягченія нравовъ и упорядоченія общественныхъ отношеній. Насадителемъ новыхъ порядковъ явился родъ, та ячейка, изъ которой развились по двумъ противоположнымъ направленіямъ и болѣе узкій кругъ семьи и болѣе широкій — государства. Родъ принялъ на себя роль посредника въ разногласіяхъ, возникавшихъ между его членами, и защитника — при посягательствахъ на нихъ со стороны чужаковъ; тутъ борьба единицъ переходитъ въ борьбу цѣлыхъ союзовъ. Въ видахъ взаимной защиты и совместнаго нападенія соплеменные роды объединились въ государство. Поглотивъ ихъ въ себѣ, оно восприняло относительно вошедшихъ въ составъ его индивидовъ обязанности какъ защитника, такъ и миротворца, лежавшія прежде на отдѣльныхъ родахъ. Заставъ въ полномъ расцвѣтѣ систему выкуповъ, государственная власть на первыхъ порахъ не отмѣняетъ ея, а только видоизмѣняетъ: раздѣляетъ выкупы на 2 части: одну оставляетъ въ распоряженіи